

Философия. История философии

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

Творческая история «Оправдания добра» Вл.С. Соловьева. Статья вторая

Борис В. Межуев

МГУ им. М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Москва, Россия

borismezhuev@yandex.ru

Аннотация. Во второй статье продолжено исследование истории написания отдельного труда Вл. Соловьева 1890-х гг. по нравственной философии. В предыдущей статье было установлено, что это решение могло прийти к философу летом 1894 г., поскольку до этого времени он намеревался представлять вниманию читателя главы своего труда по эстетике. В этой работе, равно как и в сопутствующих литературно-критических этюдах, философ намеревался доказать, что художнику следует руководствоваться в своем творчестве верным представлением о высшем смысле бытия. В статье доказывается, что идея трактата по нравственной философии родилась из спора с самым великим русским писателем того времени – Львом Толстым – о том, что должно лежать в основании нравственности и что является ее высшим предназначением. Приняв за эти основания те принципы, которые разделял и сам Толстой, – личный аскетизм, любовь к ближнему и почитание Отца небесного, – Вл. Соловьев сделал попытку путем развития субъективных установок нравственности обосновать необходимость их объективного воплощения в общественных институтах и то, что предельное осуществление дела добра на земле есть победа над смертью. В статье рассказывается и о том, как развивались отношения Вл. Соловьев с Л.Н. Толстым в 1890-е гг. В частности, в отдельном параграфе описывается критика Вл. Соловьевым в 1890–1891 гг. «нравственного субъективизма» толстовского учения, которая нашла себе место в «Оправдании добра» в виде одной из глав этого трактата.

Ключевые слова: этика, нравственный субъективизм, религия воскресения, практическая философия, проблема зла

Для цитирования: Межуев Б.В. Творческая история «Оправдания добра» Вл.С. Соловьева. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 12–37. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

© Межуев Б.В., 2024

The creative history of the “The Justification of the Good” by V.S. Solovyov. Article two

Boris V. Mezhuyev

*Lomonosov Moscow State University, INION RAS, Moscow, Russia
borismezhuez@yandex.ru*

Abstract. The second part of the article continues the study the history of V. Soloviev's writing a special work of the 1890s on moral philosophy. In the previous part of the article, it was established that the decision to write the work could have come to the philosopher in the summer of 1894, since before that time he intended to present to the public the chapters of his work on aesthetics. In the work, as well as in the accompanying literary and critical studies, the philosopher intended to prove that the artist should be guided in his work by a true idea of the ultimate meaning of being. The author proves that the idea of a treatise on moral philosophy was born out of a dispute with the greatest Russian writer of that time, Leo Tolstoy, about what should be laid as a basis of morality and what is its highest purpose. Taking as such basis the principles that Tolstoy himself shared – personal asceticism, love to fellow beings and reverence for the Heavenly Father – Vl. Solovyov made an attempt, through the development of subjective moral attitudes, to justify the need for their objective embodiment in public institutions and so the fact that the ultimate realization of the Good on Earth must be the victory over death. The article also describes how the relationship between Vl. Solovyov and L.N. Tolstoy developed in the 1890s. In particular, a separate paragraph describes Vl. Solovyov's criticism of the “moral subjectivism” of Tolstoy's teaching in 1890–1891, that found a place in the “Justification of the Good” in the form of a chapter in that treatise.

Keywords: ethics, moral subjectivism, religion of resurrection, practical philosophy, the issue of evil

For citation: Mezhuyev, B.V. (2024), “The creative history of the ‘The Justification of the Good’ by V.S. Solovyov. Article two”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 12–37, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

Третий период творчества Вл. Соловьева следует отсчитывать с 1892 г., когда философ оставляет замысел написать второй том «Истории и будущности теократии»¹ и приступает к созданию

¹ Насколько нам известно, в последний раз Вл. Соловьев сообщал, что готовит к печати второй том своего главного сочинения второго периода,

того, что он впоследствии назовет «мистической эстетикой»: ее первым наброском стала работа «Смысл любви». Однако, как мы выяснили в предыдущей статье, в течение 1894 г. этот замысел Вл. Соловьева претерпевает изменения, и летом того же года он задумывает предварить будущий труд по эстетике трактатом по нравственной философии, выводы которого стали бы отправным пунктом для всего цикла будущих произведений мыслителя, включая метафизику и учение о красоте.

Императив воскрешения в полемике с учением Льва Толстого

Как мы уже говорили в первой статье этого цикла [Межуев 2024], в опубликованной в январе 1894 г. работе «Первый шаг к положительной эстетике» Вл. Соловьев еще настаивает на необходимости для подлинного поэта руководствоваться высшим духовным идеалом и критикует идею «искусства для искусства». Но в конце того же 1894 г. философ уже настаивает на автономии этики, и, забегая вперед, скажем, что в 1899 г. в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» он сам встает на позиции «эстетического сепаратизма» и отказывается от того, что в то время называлось идейной тенденциозностью в искусстве². Что же произошло с философом в течение лета 1894 г., что побудило его столь резко изменить свои планы и предварить, по его признанию, уже почти написанную «эстетику» отдельным трактатом по нравственной философии, саму возможность которой ранее он категорически от-

в ответе профессору Московского университета А.С. Павлову, который подверг критике отдельные положения речи Вл. Соловьева «О причинах упадка средневекового миросозерцания». Философ писал в своей заметке, что специально изучал труды св. Феодора Студита «для приготовления к печати второго тома моей “Истории теократии”». «Ответ А.С. Павлову» вышел в газете «Русские ведомости» 5 января 1892 г., но письмо в газету, согласно нормам того времени, имело точную датировку – 30 декабря 1891 г. Эту дату можно считать на текущий момент финальной точкой второго – теократического – периода творчества мыслителя. См.: *Соловьев Вл.* Ответ А.С. Павлову // Русские ведомости. 1892. № 4. 5 янв. С. 4.

² Контраст воззрений Вл. Соловьева на красоту 1899 г. с его взглядами времен «Первого шага к положительной эстетике» несложно заметить, если сравнить цитировавшиеся ранее нами пассажи из статьи 1894 г. с такими, более поздними, суждениями философа:

рицал? На этот вопрос мы попробуем ответить в этой части нашей работы.

Бросим еще один взгляд на 1894 г. Тем же летом 1894 г., когда философ публикует вторую часть «Буддийского настроения в поэзии», он делает попытку обратиться к другому, гораздо более крупному литератору, чем гр. А.А. Голенищев-Кутузов, с советом изменить мировоззрение и принять в качестве высшей истины «религию воскресения». Речь, разумеется, идет о знаменитом письме Вл. Соловьева Л.Н. Толстому. Обстоятельства появления этого текста раскрыл в своем мемуарном очерке о Льве Толстом близкий товарищ Вл. Соловьева князь А.Д. Оболенский.

Приблизительно в конце 90-х годов Владимир Соловьев, взгляды которого, как известно, были во многих отношениях прямо противоположны Толстовским, хотел сделать попытку некоторого сближения с Толстым или по крайней мере выяснения главных оснований разномыслия. С этой целью Соловьев написал Толстому глубоко интересное и во многом замечательное письмо, частное и личное. Случилось так, что я, видаясь в то время часто с Соловьевым, зашел к нему как раз тогда, когда он только написал это письмо, но его еще не отправил. Он мне его прочитал. Оно было во всяком случае весьма содержательно и значительно, однако, не думая о последствиях, я стал говорить Соловьеву, как, по моему мнению, отнесется к нему Толстой и что он скажет в ответ на доводы Соловьева. Я рисовал это отношение недоброжелательным, а воображаемые ответы Толстого резкими и осуждающими. Лично я по вопросам, затронутым в письме, был всецело на стороне Соловьева, но говорил так потому, что желал вызвать и услышать отповедь Соловьева на предполагаемые возражения Тол-

Искать в поэзии непременно какого-то особенного, постороннего ей содержания – значит не признавать за ней ее собственного, а в таком случае стоит ли и толковать о поэтах? Логичнее будет махнуть на них рукою, как на пустых и бесполезных людей.

И далее:

Но есть в поэзии свое содержание и своя польза. Поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – но только *по-своему*, только своею *красотою* и ничем другим. Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их осязательное проявление. Следовательно, все действительно поэтическое – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова.

См.: Соловьев Вл.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Вестн. Европы. 1899. № 12. Дек. С. 665.

стого. Но Соловьев после моих слов совершенно замолчал, сделался угрюм и грустен, и я не мог добиться от него живого слова. – Соловьев был очень впечатлителен, я это знал, и я, конечно, мог бы с успехом предоставить самому Толстому ответить вместо того, чтобы придумывать возражения, несомненно не основательные по существу и едва ли верные даже с точки зрения Толстого. Но я не думал все-таки, что Соловьев не пошлет этого письма. Между тем приблизительно через год спустя скончался Соловьев, и уже после его смерти я узнал, что Толстой никакого письма от Соловьева не получал... Я почувствовал здесь косвенную свою вину³.

Относительно времени описываемых событий А.Д. Оболенскому несомненно изменяет память. Подстрочное примечание к его тексту, если не принадлежащее самому князю, то очевидно с ним согласованное, связывает данное письмо с тем, что было опубликовано вначале с небольшими сокращениями и без датировки в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1905 г.⁴, а затем Э.Л. Радловым в третьем томе Писем Соловьева с точной авторской датировкой и указанием места его написания – «28 июля – 2 авг. 1894 г. Петербург»⁵. И предыдущее, и последующее письма, отправленные Л.Н. Толстому, не оставляют сомнения в правильности этой даты. Поэтому Оболенский явно ошибается, относя данный эпизод к 1898 или 1899 г.: речь могла идти только о лете 1894 г. Князь сообщал также, что «в оставшихся от Соловьева бумагах письмо это долго не разыскивалось»⁶, и поэтому он, воспользовавшись одновременным пребыванием с Толстым в Крыму, напросился на визит и изложил суть соловьевского письма изустно, по памяти. Увы, Толстого соловьевские доводы не убедили, но только вызвали у него острое раздражение.

Напомним, что в этом письме философ пытался рационально обосновать реальность воскресения Христа и допустимость веры в окончательную победу человека над смертью. По мнению Вл. Со-

³ *Оболенский А.Д.* Две встречи с Л.Н. Толстым (1876 и 1901 гг.) // Л.Н. Толстой. Памятники жизни и творчества. Вып. 3 / Ред. В.И. Срезневский. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923. С. 38–39.

⁴ Из письма Владимира Сергеевича Соловьева к графу Льву Николаевичу Толстому // *Вопр. философии и психологии.* 1905. Сент.-окт. Кн. IV (79). С. 241–246.

⁵ *Соловьев Вл. С.* Письма: В 4 т. Т. III. СПб.: Обществ. польза, 1911. С. 38–42.

⁶ *Оболенский А.Д.* Две встречи... С. 39–40.

Соловьева, сам Толстой должен был бы прийти к тому же выводу на основании своей убежденности в победе духовного начала над материальным – а окончательность этой победы может быть, согласно Вл. Соловьеву, гарантирована только преодолением смерти. Философ высказывал в этом письме свою давнюю идею, что преодоление смерти в прошлом – Иисусом Христом, «первенцем из мертвых», а в будущем – коллективным человечеством – представляет собой чудо в том же самом смысле, в каком следует считать чудесами рождение живой клетки из неживой материи, появление вначале растительного, а затем животного мира и возникновение обладающего разумом человека. Наконец, Вл. Соловьев решил попытаться убедить писателя поверить в воскресение Христово и еще одним доводом: с точки зрения философа, энтузиазм ранних христиан в отношении фигуры проповедника из Иудеи, колоссальный успех христианской проповеди в античном мире могли объясняться лишь фактом Его физического воскресения, доподлинно известным первым апостолам. Иными словами, философ хотел дать понять писателю, что толстовский скепсис в отношении воскресения Христа не имеет рационального основания, и он может отказаться от этого скепсиса без ущерба для своей нравственно-религиозной проповеди. Неизвестно, какие возражения высказал против этих доводов князь Оболенский, однако трудно поверить в то, что именно они были единственной причиной отказа Вл. Соловьева отправить письмо Толстому. Но не будет большой натяжкой предположение, что именно из этой – во всех смыслах неудачной – попытки переубедить Толстого и вырастает замысел трактата по нравственной философии, в итоге материализовавшийся в виде книги «Оправдание добра»⁷.

⁷ Н.А. Васильев совершенно справедливо замечает в своем кратком очерке: «Этическое сочинение Соловьева “Оправдание добра” написано от первых своих страниц до последних в виде скрытой полемики против Толстого. Из писем Соловьева видно, с каким негодованием и с каким интересом следил он за развертывавшейся в 80-е годы моральной системой Толстого». Автор несколько сужает проблему, игнорируя ту тему, которой было посвящено неотправленное письмо 1894 г. Однако его анализ конфликта этических систем Л.Н. Толстого и Вл.С. Соловьева как антитезы «абстрактно логического» и «конкретно исторического» подходов к морали заслуживает внимания. См.: *Васильев Н.А.* Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева) // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. По поводу 40-летия его ученой и 50-летия учено-лит. деятельности. Казань: Изд. Книж. магазина М.А. Голубева, 1913. С. 452, 449.

Осенью 1894 г. Вл. Соловьев отправляет Л.Н. Толстому другое письмо, которое адресатом было оценено как «очень ласковое»⁸. Это послание философ начинает как раз с упоминания о несостоявшемся обращении с исповеданием своей веры в «воскресение»:

Еще с июля месяца лежит у меня большое письмо мое к вам о главном пункте нашего религиозного разногласия; но я недоволен изложением своей мысли, а недоразумения на расстоянии бывают очень досадны. При свидании (надеюсь, в январе) я прочту вам это письмо, как тему для устного разговора⁹.

Трудно сказать, мог ли подобный разговор Вл. Соловьева с Л.Н. Толстым состояться зимой 1894 г. – на последующем письме Толстого переписка обрывается, а начало 1895 г. отмечено первым явным полемическим выпадом философа против нравственно-политических идей Толстого – статьей «Принцип наказания с нравственной точки зрения». Однако для понимания генезиса соловьевского трактата по нравственной философии, к публикации глав которого философ приступил с сентября 1894 г., важное значение имеет и другой пассаж из того же самого письма. Философ пишет, что пришел к выводу, что единство по нравственным, т. е. на самом деле – социальным и политическим – вопросам имеет более фундаментальное значение, чем близость философских убеждений и даже религиозных взглядов, и это позволяет двум мыслителям находить общий язык. Вл. Соловьев сообщает в том же письме, что примирение с Н.Н. Страховым было бы для него возможно лишь «во имя евангельской заповеди и личного чувства без всякой солидарности во взглядах и стремлениях», тогда как с Толстым он может продолжать дружить и ради общего дела.

Обратим особое внимание на то, что Вл. Соловьев использует в этом письме почти тот же речевой оборот, который он ввел позднее для обозначения перелома во взглядах, приведшего к разочарованию в осуществимости идеи всемирной теократии и возобновлению философских занятий:

⁸ Такова была запись в дневнике Толстого от 4 ноября: «От Соловьева очень ласковое». Эта запись позволила публикатору письма П.С. Попову датировать его концом октября – началом ноября 1894 г. См.: Переписка Толстого с В.С. Соловьевым / Публ. П. Попова // Лит. наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 274–275.

⁹ Там же.

Не изменяя содержание своих взглядов, я все более укрепляюсь в убеждении, что нравственное дело есть первое и неперменное условие всего прочего и что *без* этого условия самые высокие и глубокие вещи не только теряют свое достоинство и свою благовторность, но могут превращаться в самые ужасные мерзости. Это убеждение сближает меня с вами в существе дела, помимо всяких личных христианских чувств¹⁰.

Выражение *«не изменяя содержание своих взглядов»* – с некоторым видоизменением – Вл. Соловьев воспроизводит без малого пять лет спустя, в предисловии к первому тому Творений Платона, которое он сам датировал 26 мая 1899 г., указав в конце текста и место его написания: швейцарский город Лозанну:

С нарастанием жизненного опыта, *безо всякой перемены в существе своих убеждений*, я все более и более сомневался в полезности и в исполнимости тех внешних замыслов, которым были отданы мои так называемые «лучшие годы». Разочароваться в этом значило вернуться к философским занятиям, которые за то время отодвинулись было на дальний план. Нравственная философия, с которой я начал эти возобновленные занятия, неизбежно приводила меня к основным теоретическим вопросам знания и бытия (курс мой. – Б. М.).

В этом отрывке обращает на себя внимание сходство двух речевых оборотов: «не изменяя содержание своих взглядов» и «безо всякой перемены в существе своих убеждений»¹¹. Можно сделать предположение, что речь идет об одном событии – только развернутом в двух разных ракурсах. Также обращает на себя внимание, что в предисловии к Творениям Платона Вл. Соловьев пишет, что «начал возобновленные занятия» философией с «нравственной философии», тем самым он забывает обо всех своих «первых шагах к положительной эстетике», предпринимавшихся им еще с 1889 г. и особенно интенсивно – с начала 1894 г. В чем тогда состояло само описываемое событие? Вероятно, в решении попытаться теоретически обосновать «религию воскресения», вывести ее из постулатов автономной этики, представить идею преодоления смерти в качестве закономерного и необходимого развития правильно понятых императивов практического разума.

¹⁰ Там же. С. 275.

¹¹ Соловьев Вл. Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева. Т. I. Изд. К.П. Солдатенкова. М.: Типо-литогр. В. Рихтер, 1899. С. V.

«Нравственное дело есть первое и неперменное условие всего прочего», пишет Вл. Соловьев в последнем письме к Толстому, что полностью соответствует мысли, которую он кладет в основание опубликованной в том же самом ноябре 1894 г. статьи «Нравственная философия как самостоятельная наука», обозначенной при публикации как введение в книгу «Основания нравственной философии». Это решение, как можно предположить, пришло к Вл. Соловьеву в голову в конце июля – начале августа 1894 г., и именно оно заставило его на время отложить «почти написанную» эстетику и заняться теоретической разработкой «оснований нравственной философии».

Нравственная философия создавалась Вл. Соловьевым в первую очередь как попытка убедить великого писателя и моралиста перейти на сторону подлинного, с точки зрения философа, христианского учения, в основе которого лежат идея воскрешения мертвых и факт воскресения Христа как предварение этого финального для истории человечества события¹². Вл. Соловьев стремился доказать Льву Толстому, что любая подлинная нравственность предполагает императив воскрешения мертвых в качестве своей фундаментальной предпосылки. И упорное отрицание воскресения Христа и будущего всеобщего воскресения человеком, называющим себя христианином, может быть обусловлено не доводами теоретического и практического разума, но именно злой волей. Приведем по поводу этого одно малоизвестное мемуарное свидетельство. Оно принадлежит писательнице и хозяйке московского салона Р.М. Хин-Голдовской. В течение многих лет она вела довольно подробные дневники, где рассказывала о литературной жизни в Москве. Встретившись с хорошо знакомым ей Вл. Соловьевым в Петербурге 24 мая 1900 г., Хин-Голдовская задала писателю вопрос: почему Толстой безучастен к страданиям еврейского народа, «который дал человечеству Христа»? На этот вопрос философ дал неожиданный ответ:

¹² Не далее как в мае 1894 г., во время своего пребывания в Москве, Вл. Соловьев, по его собственным словам, «много видался с Толстым и толстовцами» и выражал надежду на принятие ими христианства в близком ему понимании. См.: в письме к М.М. Стасюлевичу от 8 мая 1894 г.:

Здесь много видался с Толстым и толстовцами, из которых некоторые, более способные, начинают от его полу-буддизма переходить к христианству в моем смысле; не оставляю надежды и относительно его самого (*Соловьев В.С.* Письма. Т. IV. Пг.: Время, 1923. С. 65).

Да этого именно *он* и не может простить евреям, что они дали миру Христа! Ведь он Христа ненавидит! Знаете, он так один раз говорил со мной о Христе с таким побледневшим лицом, с такими холодными, злыми глазами – *je l' ai vu malgre ma tuerie*, что я после этого на несколько лет с ним разошелся... Потом мы помирились¹³.

Воспроизведенный Вл. Соловьевым разговор между ним и Львом Толстым, если мемуаристка, конечно, верно передает слова своего собеседника, должен был состояться в 1891–1892 гг., когда философ подолгу жил в Москве; после 1895 г. два мыслителя не делали попыток к примирению и, вероятно, уже лично не встречались. Но в 1892–1893 гг. действительно наблюдается определенный перерыв в эпистолярном общении Вл. Соловьева и Л. Толстого, обусловленный, видимо, их личным конфликтом или, во всяком случае, отчуждением. В 1894 г. два мыслителя в последний раз помирились и были готовы забыть разногласия ради общего дела. Нельзя, конечно, исключить, что воспроизведенная мемуаристкой беседа представляла собой ту самую обещанную Вл. Соловьевым попытку устно изложить собеседнику содержание своего неотправленного письма лета 1894 г., что, как мы помним, философ обещал сделать осенью того же года. Но очень трудно понять, когда могла (и могла ли) состояться подобная встреча, даже если замечание о последующем примирении можно посчитать случайной ошибкой памяти либо мемуаристки, либо самого Вл. Соловьева.

Все-таки скорее всего разговор произошел в 1891–1892-х гг., и тогда мы имеем право предположить, что летом-осенью 1894 г., когда Вл. Соловьев задумывал свой трактат по нравственной философии и специально оговаривал во введении к нему не решаемую в рамках этики проблему зла, он уже держал в сознании образ того человека, в котором подозревал личную ненависть к Христу

¹³ *Хин-Голдовская Р.М.* Очарование старины – Из дневников (Продолжение) / Публ. и предисл. М.М. Ситковецкой // Грани. 1994. № 173. С. 202–203. По-видимому, тот же разговор с Толстым Вл. Соловьев передал и будущему архиепископу Никону (Рождественскому). Согласно сообщению владыки Никона, однажды Соловьев «встретился с Л.Н. Толстым, и во время беседы о Христе Л.Н. назвал Богочеловека своим личным врагом. Это и послужило главным поводом к разрыву между В. Соловьевым и Л.Н. Толстым». См.: Духовенство об «уходе из мира» Л.Н. Толстого // Дни нашей скорби: Сб. ст. и известий о последних днях Л.Н. Толстого. М.: Изд. газ. «Студенческая жизнь», 1911. С. 69. См. также ссылку на это свидетельство в весьма ценной статье В.Б. Ремизова [Ремизов 1999, с. 228].

и которого впоследствии представил как предтечу Антихриста. Он, вероятно, исходил из того допущения, что если Толстой не примет рациональные аргументы его нравственной философии, убеждающие в том, что истинная мораль предполагает «религию воскресения» как свою онтологическую предпосылку, то причиной этого отвержения окажется уже не логика, не теоретический скепсис и не абстрактный морализм сам по себе, но исключительно иррациональная приверженность злу вопреки оправданному разумом и всем строем бытия добру. Иными словами, трактат «Оправдание добра» задумывался как последняя для его автора попытка найти общий язык с писателем, заставить его отказаться от ложных мировоззренческих установок в том числе и ради по существу верных нравственных принципов¹⁴. Однако очень быстро, еще в течение 1894 г., спор с Толстым вышел из чисто метафизической сферы в плоскость практической политики, и философу пришлось расширить проблематику будущего сочинения и, кстати, несколько скорректировать его предполагаемое название: из «Оснований нравственной философии» книга превращается просто в «Нравственную философию».

Тем не менее изначально все же вопрос стоял именно о верных основаниях нравственности. И теперь становится понятным, почему Вл. Соловьев так настаивает на автономии этики: желая убедить писателя в возможности победы над смертью, философ декларирует в самом начале своего труда, что будет исходить из тех же самых императивов, какие принимает и Толстой, – из приоритетов личного аскетизма, сострадания к людям и почитания Отца небесного (те самые «стыд», «жалость» и «благоговение»). При этом Вл. Соловьев хотел доказать своему оппоненту, что последовательная приверженность именно этим принципам не может не вести любого честного мыслителя к однозначному выводу – без веры в победу над смертью, без представления о безусловной действительности нравственного порядка сострадание, аскетизм и почитание высшего начала не имеют реального смысла. Таким образом, тезис об автономии нравственной фило-

¹⁴ В этом смысле, конечно, не выдерживает критики мнение И.И. Евлампиева и И.Ю. Матвеевой, что разногласие по поводу воскресения

...двух мыслителей является типичным примером «недоразумения», имеющего причиной вторичные и частные причины, а не какие-то принципиальные расхождения во взглядах.

То, что авторы называют «недоразумением», для Вл. Соловьева являлось важнейшим основанием его веры [Евлампиев, Матвеева 2019, с. 229].

софии появляется у Вл. Соловьева не ранее лета 1894 г., когда он приходит к выводу, что все доводы в пользу религии воскресения невозможно изложить в одном, хотя и пространным, послании. Именно тогда, после казуса с написанием и неотправкой письма Льву Толстому, философ меняет всю ранее намеченную последовательность будущих публикаций, а также архитектонику своей «поздней» системы: именно летом 1894 г. «парадигма Радлова» плавно переходит в «парадигму Евгения Трубецкого» [Межуев 2024]. Иными словами, возвращение к прежним философским занятиям и желание развить недостающий эстетический компонент постулированной ранее «свободной теософии» в это время трансформируется в стремление создать совершенно новую систему с автономными друг от друга и от положительной религии этикой и теоретической философией.

Полемика с Львом Толстым в 1890–1892 гг.: критика нравственного субъективизма

Полемика с воззрениями Л.Н. Толстого в 1894–1895 гг., в тех отдельных статьях, которые впоследствии вошли в труд по нравственной философии, была не первой для Вл. Соловьева: в 1891 г. философ уже вел дискуссию со взглядами писателя, критикуя как проповедь опрощения (в статье «Идолы и идеалы», появившейся в марте 1891 г. в «Вестнике Европы»), так и стремление свести Евангелие и христианство к идее непротивления злу и «отвлеченной морали, частию аскетического, частию филантропического свойства» (в статье «О подделках», опубликованной в мае 1891 г. в «Вопросах философии и психологии»)¹⁵. Однако в то время философ старался отзываться о Толстом корректно, не допуская жестких выпадов. В «Идолах и идеалах» Вл. Соловьев в подстрочном примечании специально оговаривает, что не намерен переводить спор со сторонниками «опрощения» и крайнего народолюбия в критику лично Толстого. Философ высказывает мнение, что «воззрения знаменитого писателя за последние 15 лет его деятельности представляют, так сказать, лишь *“феноменологию” его собственного духа* и в этом смысле имеют, конечно, значительный интерес, но не подлежат опровержениям». «Поэтому, – пишет Вл. Соловьев, – я не желал бы, чтобы последующие замечания были приняты за полемику против славного романиста,

¹⁵ Соловьев Вл. О подделках // Вopr. философии и психологии. 1891. Кн. 4 (8). С. 149–163.

который не может отвечать за то, что другие выводят из субъективных явлений его артистической натуры»¹⁶. Еще ранее, в статье «Самосознание и самодовольство», вышедшей в июне 1890 г. в «Русском обозрении», философ брал Л.Н. Толстого под защиту в полемике с критиковавшим религиозные воззрения писателя П.Е. Астафьевым¹⁷. Наконец, в статье «О подделках», где имя Толстого не приводится, но не вызывает сомнения, что речь идет именно о нем, Вл. Соловьев называет уклонение от Евангельского учения в «отвлеченный морализм» «самой невинной» «между нынешними подделками и подменами христианства»¹⁸. В это время Вл. Соловьев хотя и затрагивает темы, которые потом лягут в основу фактического «анафематствования» Толстого в «Трех разговорах» и жесткого спора с ним в «Оправдании добра» – например, то же учение о непротивлении злу силой, анархизм писателя, отрицание им «видимой церкви», неприятие науки и в целом человеческой цивилизации, – но все же концентрирует свое внимание на опровержении «нравственного субъективизма» толстовского учения, сведения морали к ее внутренней, духовной стороне при равнодушии к тем формам социального устройства, в которых добро должно найти свое выражение. Все это звучит еще очень мягко и без угрожающих инвектив¹⁹.

Вероятно, именно к этому времени – 1891 г. – относится и обнаруженный З.Г. Минц в архиве Государственной публичной библиотеки и опубликованный ею в Трудах Тартусского университета в 1966 г. набросок статьи «Наши Никодимы», по справедливому предположению исследовательницы, также направленный против

¹⁶ Соловьев Вл. Идолы и идеалы. Очерк I // Вестн. Европы. 1891. Кн. 3. Март. С. 365. Статья в полном виде вошла во второй выпуск «Национального вопроса в России», изданного в 1891 г., и вместе с ним в пятый том Собрания сочинений Вл. Соловьева.

¹⁷ Соловьев Вл. Самосознание и самодовольство // Русское обозрение. 1890. № 6. Июнь. С. 671–684.

¹⁸ Соловьев Вл. О подделках. С. 149.

¹⁹ А.Н. Круглов справедливо соотносит соловьевское различие объективной и субъективной нравственности с гегелевским разделением «нравственности» и «морали»:

Отрица историческую выработку форм, организаций и условий, необходимых для наступления Царствия Божия, Толстой сам оказывается препятствием для его осуществления. Если опираться на гегелевское разделение морали и нравственности, можно, наверное, сказать, что Соловьев обнаруживает у Толстого в той или иной форме мораль, но не находит у того нравственности [Круглов 2021, с. 208].

Л.Н. Толстого, против характерного для него «руссоистского» «полного отрицания цивилизации» [Минц 1966, с. 108]. Сама З.Г. Минц датировала этот фрагмент концом 1890-х гг., когда полемика философа с писателем приобрела предельную остроту и их личные отношения были разорваны. У этого предположения есть определенные основания: 1891 год отмечен наибольшим отчуждением философа от государства и официальной церкви, которые в их институциональных основаниях берутся под защиту в этом фрагменте. Споря со сторонниками радикального «опрощения» и возвращения в лоно матери-природы, философ пишет:

Такая наивность перестанет нас удивлять, если мы послушаем тех учителей, которые через столько веков после Никодима в нынешнее время и среди нашего христианского мира рассуждают о царствии Божием. Они знают, что человечество должно духовно переродиться, но понимают это так, что оно должно опять войти в доисторическую утробу матери-природы, отбросивши от себя все, что выработалось в нем за многие тысячелетия умственного и культурного роста, – все многообразие исторических форм, всю сложность жизненных отношений. Во всем этом есть или может быть зло – значит, ничего этого не нужно. Не нужно церкви, потому что церковники бывают фанатичны, лицемерны и своекорыстны; не нужно государства, потому что оно связано с принуждением, а принуждение есть зло; на фабриках рабочие бывают подавлены чрезмерною механическою работою – значит, не нужно фабрик и заводов; деньги развивают стяжательство и мошенничество, значит, не нужно денег, – отчего прямо не менять пирог на лапти? Ученые часто занимаются пустяками, значит, не нужно науки и университетов. Художники и музыканты действуют своими произведениями на чувственность, значит, не нужно искусства; купцы живут обманом, как видно уже из пословицы: «Не обманешь – не продашь», – значит, не нужно торговли; в городах много соблазнов – да погибнут города; люди, легкомысленно вступившие в брак, не ладят между собою, – значит, семья есть разврат, и так далее, все по тому же шаблону [Минц 1966, с. 109].

Вл. Соловьев избирает здесь более жесткий полемический тон, но все-таки не переходит грани между идейной критикой и личными выпадами. Представляется более вероятным, что фрагмент относится как раз к 1891 г., а не ко времени написания «Оправдания добра» или «Трех разговоров». Именно в написанной в том же году статье «О подделках» Вл. Соловьев противопоставляет ложным версиям христианства, включая толстовскую, идею «царства Божия», он прямо называет ее «центральной идеей Евангелия» и трактует обретение этого «царствия» как объективный Богочеловеческий процесс,

не сводящийся только к изменению состояния умов, т. е. развитию субъективной стороны морали. Сходство статьи «О подделках» и отрывка, найденного З.Г. Минц, довольно значительное, что склоняет нас к выводу о том, что они были написаны в одно время.

Полемизируя со взглядами Толстого, Вл. Соловьев пытается объяснить в работе «О подделках» знаменитую реплику Христа «Царство Божие внутри вас» (которую писатель впоследствии выбрал в качестве заглавия своей книги, вышедшей в октябре 1893 г. в Париже) конкретными обстоятельствами ее произнесения: по мнению Вл. Соловьева, она была адресована фарисеям, поскольку те сводили религию к чистой обрядности и пренебрегали субъективной стороной веры. В отличие от Толстого и в прямой полемике с ним философ настаивал на том, что Царство Божие – не просто состояние души человека, но «полная реализация божественного в природно-человеческом через Богочеловека-Христа, или, другими словами, – полнота естественной жизни, соединяемой через Христа с полнотою Божества»²⁰. После 1892 г., который, по нашему предположению, открывает собой третий период соловьевского творчества, философ обнаруживает гораздо более определенное основание своего идейного расхождения с писателем – именно отрицание им

²⁰ По мнению немецкого исследователя М. Альтмайера, автора книги «Обожение у Вл. Соловьева и Л. Толстого: диалог, который так и не состоялся»:

Если для Соловьева Царства Божие – это скорее космологическая цель, то для Толстого – это, в первую очередь, внутреннее состояние [Сидорин 2019, с. 103].

Если Толстого интересует прежде всего, что человек должен делать в жизни, чтобы избавиться от страха смерти, то

...антропология Соловьева производит впечатление умозрительной философии, и она поначалу имеет мало общего с реальностью жизни отдельного человека [Altmaier 2014, p. 134].

Концепцию исследователя подробно освещает В.В. Сидорин в своей рецензии на эту книгу:

Из этого следует принципиально различное отношение к церкви, при том, что критический пафос в отношении исторического христианства так или иначе разделяли оба, и социальному идеалу соловьевской свободной теократии как воплощению в социальной реальности принципа всеединства противостоят анархистские, как их именует Альтмайер, довольно подробно на них останавливаясь, «импульсы толстовской мысли» [Сидорин 2019, с. 103; Altmaier 2014, p. 277–290].

воскресения Христа как обетования грядущего воскресения всех мертвых. В тексте «Наши Никодимы» о «воскресении» не говорится ничего, и это тоже представляет собой косвенный аргумент в пользу того, чтобы датировать его 1891 г., т. е. тем временем, когда философ разворачивал свою дискуссию с Толстым лишь как с моральным субъективистом, чье понимание христианства страдало односторонностью, но тем не менее уступало по вредоносности «ревнителям правдоверия», сводящим религию к исполнению внешних обрядов и почитанию строгой иерархии. Впрочем, нельзя исключать, что этот текст – черновой набросок к «Оправданию добра», вышедший из-под пера философа в конце 1894 – начале 1895 г., когда предметом его критики становится в том числе и учение о непротivлении злу. И все же версия о том, что «Наши Никодимы» относятся к 1891 г., к периоду полемики с «нравственным субъективизмом», нам представляется более вероятной.

Критика нравственного субъективизма, которая впоследствии нашла себе место в «Оправдании добра», велась Вл. Соловьевым с особенной интенсивностью именно в 1890–1891 гг. И когда философ задумал вернуться к этому пункту расхождения с писателем в своей книге, он взял для соответствующей главы на эту тему один из уже написанных им в эти годы текстов, который, правда, вышел в свет не в одном из журналов, где Вл. Соловьев тогда печатался, а в сравнительно малоизвестном сборнике. Речь идет о небольшой заметке «Личная нравственность и общее дело», она появилась в сборнике «Помощь голодающим», который был составлен и издан редакцией газеты «Русские ведомости» в самом конце 1891 г.²¹ Эта

²¹ См.: *Соловьев Вл. Личная нравственность и общее дело // Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564.* Объявление о выходе в свет сборника было помещено на первой странице номера газеты «Русские ведомости» от 25 декабря 1891 г. (№ 355).

Отметим, что в 1892 г. Вл. Соловьев принял участие и в двух других благотворительных сборниках, выпущенных в помощь голодающим. Один из них был подготовлен газетой «Одесский листок». Здесь философ опубликовал стихотворение «Ах, память все вернуть готова...», которое вошло затем во второе издание Стихотворений как перевод из Лонгфелло с измененной первой строкой: «Все память возвратить готова». См.: *Отклик: Лит. сб. в помощь голодающим. Одесса: Тип. и литогр. «Одесского листка», 1892. С. 249.* Вторым был вологодский сборник «Помочь», куда философ отдал одно из самых известных своих стихотворений «Имману-эль». См.: *Помочь: Вологодский сб. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1892. С. 158.*

статья с минимальными изменениями вошла в состав отдельной главы (XII во втором издании и IX – в первом) «Оправдания добра». Таким образом, на сегодняшний день она представляет собой самый ранний фрагмент этого сочинения, не считая, конечно, приложения к книге в виде извлечений из «Критики отвлеченных начал». Честь первой republicации этого раннего наброска главы «Оправдания добра» принадлежит Н.В. Котрелеву и Е.Б. Рашковскому, поместившим этот текст во втором томе составленного им двухтомника 1989 г. [Котрелев, Рашковский 1989]. В примечаниях к тексту публикаторы писали:

...комментируемая статья – ранний набросок будущего обобщающего соловьевского этику сочинения. Этот источник т. 12 ускользнул от внимания самого кропотливого и лучшего соловьевского текстолога, считавшего, что одна только двенадцатая глава из всей книги не имела предварительной журнальной публикации и появилась лишь в первом издании 1897 г.²²

В том же примечании делается вывод о том, что «обнаружение публикации 1892 г. позволяет датировать начало работы над «Оправданием добра» двумя годами ранее – первые фрагменты его, считалось, появились в печати в 1894 г.²³

Нужно уточнить, что статья «Личная нравственность и общее дело» была написана философом не позднее осени 1891 г., когда сборник готовился к изданию. Составитель этого сборника, известный московский географ и антрополог Д.Н. Анучин в кратком предисловии рассказал об истории его создания. По словам Анучина, который назвался в предисловии «заведывавшим редакцией сборника»,

...осенью нынешнего года, в Москве, в кружке литераторов возникла мысль об оказании помощи голодающим посредством издания Сборника из беллетристических и научных статей, а также, по мере возможности, и рисунков. Осуществлению этой задачи изъявили го-

²² См. [Котрелев, Рашковский 1989, с. 699]. Здесь дается ссылка на текстологическую работу немецкого исследователя Бруно Вембриса, осуществившего детальную сверку всех изданий «Оправдания добра», включая журнальную редакцию глав [Wembris 1973, S. 10].

²³ См. [Котрелев, Рашковский 1989, с. 699]. Первую посмертную republicацию статьи Вл. Соловьева «Личная нравственность и общее дело» см.: Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 459–465.

товность содействовать издатели «Русских ведомостей» принятием на себя всех расходов по изданию Сборника, в количестве 6100 экземпляров, с тем, чтобы весь валовый сбор от продажи Сборника поступил в пользу нуждающегося населения пострадавших от неурожая местностей. <...> Так как статьи доставлялись в течение почти двух месяцев, то в распределении их, – принимая во внимание необходимость выпуска сборника к известному сроку, – нельзя было провести какого-либо определенного порядка и плана: статьи поступали в набор по мере их получения, без отношения к их категориям; редакция старалась только, по мере возможности, разнообразить содержание, вставляя между беллетристическими произведениями современных писателей – неизвестные отрывки и письма литературных деятелей прошлого времени²⁴.

Под предисловием стоит дата «14 декабря 1891 г.», в сборнике статья Вл. Соловьева помещена одной из последних, за ней следуют перевод короткого эссе французского писателя Жюль Лемэтра («с рукописи, доставленной для Сборника», как сообщается в подзаголовке), стихотворение Алексея Жемчужникова «Всем хлеба» и тексты Л.Н. Толстого, работы которого Д.Н. Анучину удалось получить для публикации в последний момент²⁵. Поскольку, как говорит составитель, сборник собирался по мере получения текстов, то, предположительно, философ отправил свой текст в сборник осенью, ближе к ноябрю 1891 г. Статья Вл. Соловьева датировки не имеет, однако она соседствует с текстами, доставленными в редак-

²⁴ См.: Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. II.

²⁵ Д.Н. Анучин вспоминал в мемуарном очерке 1913 г. о том, что многие материалы, присланные ему от различных авторов, в силу расширившегося его объема, «остались неиспользованными».

В.Г. Короленко доставил, например, одну из лучших своих вещей «Река играет». Только Л.Н. Толстой ответил сначала отрицательно, сказав, что у него ничего нет готового, и разрешил лишь поместить одну из его неизданных в России «сказок», предоставив мне право переделывать ее, как угодно, в целях приспособления к цензурным требованиям. Только впоследствии, когда сборник уже приходил к концу печатанием, Л.Н. предложил мне поместить в нем свои заметки о помощи голодающим, которые и были напечатаны в конце книги. Л.Н. сам держал корректуру статьи, причем подвергал текст многочисленным исправлениям и дополнениям.

См.: *Анучин Д.Н.* Из воспоминаний // Русские ведомости (1863–1913): Сб. ст. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 84–85.

цию именно в этом месяце: под стихотворением А.М. Жемчужникова стоит число 2 ноября 1891 г., а расположенная в сборнике чуть выше статья географа А. Воейкова «Климат и народное хозяйство» датирована 8 ноября. Поскольку в этом месяце философ серьезно болел и был отвлечен на полемику по поводу своего выступления в Московском психологическом обществе 19 октября 1891 г., можно допустить, что Вл. Соловьев рекомендовал к публикации старый текст, написанный вместе с другими, более ранними работами того же года, в которых подвергался сомнению «нравственный субъективизм», отрицающий необходимость объективного воплощения добра в социальном устройстве.

Текст статьи действительно полностью (без последнего заключительного абзаца), с очень небольшой редакторской правкой, вошел в ту главу «Оправдания добра», которая в редакции 1897 г. называлась «Нравственный субъективизм», а в редакции 1899 г. – «Отвлеченный субъективизм в нравственности» (соответственно, IX и XII главы), составив содержание двух ее параграфов – II и III. В развернутом содержании второй редакции эти параграфы получают такое описание: «II. Недостаточность нравственности как только субъективного чувства. – Историческое подтверждение. III. Недостаточность нравственности как только личной проповеди. – Исторические подтверждения»²⁶. «Историческим подтверждением» недостаточности «нравственного субъективизма» служил предпринятый Вл. Соловьевым анализ «Одиссеи» Гомера, которым он, по-видимому, очень гордился. Во всяком случае, он признавал за собою заслугу в том, что впервые обратил внимание на особую моральную чувствительность главного героя. В редакции «Оправдания добра» 1899 г. Вл. Соловьев не без гордости утверждал: «Так как я не встречал в литературе особых указаний на эту преобладающую черту гомерического героя, то позволю себе некоторые подробности»²⁷. «Подробности» касались такой черты Одиссея, как его склонность «плакать при всяком удобном случае».

Вторая часть статьи, составившая III параграф соответствующей главы, в значительной степени была посвящена освобождению крестьян в России и чернокожего населения в Америке «мирным правительственным действием». Значение «внешнего государственного акта» для поднятия уровня «внутреннего нравственного сознания» в цивилизованном обществе, по мнению философа, заключалось в том, что нравственность должна по

²⁶ Соловьев Вл.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. С. XXIV.

²⁷ Там же. С. 317.

самой своей природе из субъективного чувства и внутреннего переживания «объективироваться» и становиться «общим делом». Нельзя исключить, что по крайней мере вторая часть статьи была написана Вл. Соловьевым в феврале 1891 г., к тридцатилетней годовщине акта об освобождении крестьян, и что она по тем или иным причинам не нашла места на страницах одной из газет (а, возможно, газетная публикация еще не разыскана исследователями), с которой философ в тот момент сотрудничал. Осенью 1891 г. философ, вероятно, просто отдал в сборник «Русских ведомостей» уже готовую статью. Нам представляется, что в этот момент планов о создании труда по нравственной философии у Вл. Соловьева еще не было – напомним, что в августе-сентябре 1892 г. он планировал переиздание «Критики отвлеченных начал», а затем собирался начать серию новых трудов с сочинения по эстетике. Поэтому, несмотря на присутствие текста 1891 г. в составе «Оправдания добра», отсчет третьего периода мы продолжаем вести с 1892 г., когда философ приступает к публикации «Смысла любви» – произведения, которое должно было лечь в основу будущей эстетики, и когда он перестает оповещать читателей и корреспондентов о намерении опубликовать второй том «Истории и будущности теократии».

Между тем, когда в декабре 1894 г. Вл. Соловьев в письме к С.Н. Трубецкому начертил подробный план своей будущей книги «Основания нравственной философии», он явно задумывался о том, чтобы использовать не только текст статьи «Личная нравственность и общее дело», но и другие работы 1891 г. для определенных разделов будущего трактата. Все они в совокупности должны были лечь в основу двух первых глав третьей части, которая в первом известном нам плане будущего сочинения, имела название «Прикладная этика, или Учение о применении нравственного начала к человеческому обществу» [Борисова и др. 1993, с. 16]. Первая из этих глав получала заглавие «Личная и общественная нравственность» – скорее всего, ее содержание составила бы статья «Личная нравственность и общее дело». Второй предстояло носить название «Мнимые нравственные основы общества», и здесь снова приходят на ум статьи весны 1891 г. – «Идолы и идеалы» и «О подделках». Весьма вероятно, впоследствии Вл. Соловьев счел эту главу неуместной в силу чрезмерной публицистичности.

Отметим, что в 1899 г. Вл. Соловьев делает несколько важных добавлений в текст главы. Три из этих добавлений касаются темы несовершенства средневекового понимания христианства и, в частности, порочности практики инквизиции. Первая вставка звучит так:

Точно также мы по справедливости осуждаем средневековый строй нравственности, но не за то, конечно, что он был церковным, а за то, что сама церковь тогдашняя была далека от образа истинно-нравственной организации, за то, что она вместе с добром организовала и зло – глубочайшее зло религиозных преследований и мучительств, нарушая этим безусловное начало нравственности в его собственной внутренней области²⁸.

Затем, уже в параграфе III, где прежде речь шла об американских плантаторах и русских крепостниках, в 1899 г. появился такой пассаж:

Нужно ли снова вспоминать представителей средневекового христианства, которые со спокойной совестью и даже сознанием своей нравственной обязанности и заслуги отнеслись к предполагаемым врагам своей церкви еще с большей жестокостью, чем Одиссей к врагам своей семьи...²⁹

При редактировании другой фразы Вл. Соловьев вставляет в перечисление поборников мнимой нравственности «ревнителей христианской веры» – «испанских инквизиторов»³⁰. Отчасти такое тройное обращение в 1899 г. к старой теме «средневекового христианства» отражает интерес философа к теме грехов испанской инквизиции, за которые Испании в конце XIX в. пришлось заплатить поражением от США и утратой последних колоний в Новом свете (об этом философ писал в статье «Немезида» 1898 г., вошедшей в цикл «Воскресных писем»). Но отчасти, вероятно, Вл. Соловьев хотел еще раз отвести от себя упреки Б.Н. Чичерина, который по выходе первого издания «Оправдания добра» обвинил философа в неспособности на основании его же собственных, условно говоря, «теократических» идей дезавуировать с нравственной точки зрения практику инквизиции.

Нужно упомянуть и еще одно финальное добавление в текст главы, которое несомненно усиливало ее критический в отношении наличного государственного устройства пафос. Философ утверждал в категоричной форме, что «степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру». Сама по себе «общественная среда», по мнению Вл. Соловьева, «никаких прав на единичного человека

²⁸ Соловьев Вл.С. Оправдание добра... С. 315.

²⁹ Там же. С. 322.

³⁰ Там же. С. 325.

не имеет: ее права вытекают только из того нравственного удовлетворения или восполнения, которое она дает *каждому* лицу»³¹. Все нововведения 1899 г. в текст главы XII выдавали стремление автора подчеркнуть либеральные стороны своего мировоззрения – неприятие репрессивного церковного устройства, характерного для средневекового христианства, и отказ от той критики «нравственного субъективизма» в духе правого гегельянства Белинского и Бакунина, которое в 1830-е гг. привело этих мыслителей к так называемому примирению с действительностью. По всей вероятности, все эти добавления отражали настроения философа в связи с очередной волной гонений на представителей униатской церкви на Западе Украины – как известно, это был главный пункт разногласий философа с властью в последние годы его жизни.

Заключение

Суммируя все сказанное выше о взаимоотношениях Вл. Соловьева с Л.Н. Толстым и учитывая то, как отразились эти отношения с писателем на развитии замысла трактата по нравственной философии, всю массу критических претензий автора «Оправдания добра» к учению Толстого можно разделить на три последовательных сегмента. Каждый из этих сегментов в контексте эволюции соловьевской мысли проявляется в разное время, не отменяя, но дополняя предыдущий. Вначале – в 1890–1891 гг., еще до наступления третьего периода в творчестве, когда философ продолжает вынашивать замысел написания второго тома «Истории и будущности теократии», он критикует Льва Толстого как нравственного субъективиста, не осознающего необходимости воплощения добра в правильном общественном устройстве. Эта инвектива не уходит и даже находит отражение в особой главе «Оправдания добра», частично состоящей из работы «Личная нравственность и общее дело», написанной в 1891 г. Затем, с 1894 г. – уже в процессе написания «мистической эстетики» и после начала публикации ее глав в печати – главным пунктом разногласий оказывается вопрос о воскресении Христа и об обетовании воскрешения мертвых: в этом обетовании Вл. Соловьев усматривает важнейший пункт христианского учения, отвергаемый писателем. Данный – по мнению философа, важнейший – пункт расхождений между ним и Толстым определил появление самого замысла сочинения об «основаниях нравственной философии» и отразился в содержании в первую очередь его заключительных глав.

³¹ Там же. С. 328.

Наконец, примерно с октября 1894 г. и особенно сильно в 1895 г. философ начинает сознавать, что спор с Толстым неизбежно должен коснуться и других аспектов его мировоззрения – неприятия писателем правосудия и наказания, отрицания им государства и церкви и, наконец, его безусловного пацифизма. Иными словами, Вл. Соловьев приходит к выводу не просто об ошибочности, но о вредности самого учения о непротавлении злу насилием, к которому ранее философ относился, скорее, снисходительно, чем враждебно. Это делает необходимым расширение количества глав в предполагаемой книге с гораздо большим упором на сферу практической этики, т. е. на всю общественно-политическую проблематику, которая прежде, вероятно, не должна была занимать столь важного места в будущем трактате. Этим последовательным расширением замысла, о котором мы более подробно расскажем в последующих публикациях, и объясняется первое изменение названия будущего сочинения. Начиная с зимы 1895 г. философ убирает из названия слово «основания»: «Основания нравственной философии» превращаются просто в «Нравственную философию». Однако прежде чем перейти к изложению развития замысла книги, нам хотелось бы немного задержаться в 1894 г., том году, когда Вл. Соловьев поспешил выступить в печати с главами своей вроде бы уже написанной эстетики. Мы еще не разобрались, что могло в ней содержаться.

Источники

- Анучин Д.Н.* Из воспоминаний // Русские Ведомости (1863–1913): Сб. ст. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 84–85.
- Васильев Н.А.* Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева) // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. По поводу 40-летия его ученой и 50-летия учено-литературной деятельности. Казань: Изд. Книж. магазина М.А. Голубева, 1913. С. 449–457.
- Из письма Владимира Сергеевича Соловьева к графу Льву Николаевичу Толстому // ВФП. 1905. Сент.-окт. Кн. IV (79). С. 241–246.
- Оболенский А.Д.* Две встречи с Л.Н. Толстым (1876 и 1901 гг.) // Л.Н. Толстой. Памятники жизни и творчества. Вып. 3 / Ред. В.И. Срезневский. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923. С. 38–39.
- Переписка Толстого с В.С. Соловьевым / Публ. П. Попова // Лит. наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 268–276.
- Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. 594 с.

- Соловьев Вл.* Самосознание и самодовольство // Русское обозрение. 1890. № 6. Июнь. С. 671–684.
- Соловьев Вл.С.* Идолы и идеалы. Очерк I // Вестн. Европы. 1891. Кн. 3. Март. С. 357–376.
- Соловьев Вл.* О подделках // Вопр. философии и психологии. 1891. Кн. 4 (8). С. 149–163.
- Соловьев Вл.* Ах, память все вернуть готова... // Отклик: Лит. сб. в помощь голодающим. Одесса: Тип. и литогр. «Одесского листка», 1892. С. 249.
- Соловьев Вл.* Имману-эль // Помочь. Вологодский сб. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1892. С. 158.
- Соловьев Вл.С.* Личная нравственность и общее дело // Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564.
- Соловьев Вл.* Ответ А.С. Павлову // Русские ведомости. 1892. № 4. 5 янв. С. 4.
- Соловьев Вл.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Вестн. Европы. 1899. № 12. Дек. С. 660–711.
- Соловьев Вл.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литогр. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. 615 с.
- Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева. Т. I. Изд. К.П. Солдатенкова. М.: Типо-литогр. В. Рихтер, 1899. С. V–XII.
- Соловьев Вл.С.* Письма: В 4 т. Т. III. СПб.: Обществ. польза, 1911. 337 с.
- Соловьев В.С.* Письма: В 4 т. Т. IV. Пг.: Время, 1923. 239 с.
- Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 735 с.
- Хин-Голдовская Р.М.* Очарование старины – Из дневников (Продолжение) / Публ. и предисл. М.М. Ситковецкой // Грани. 1994. № 173. С. 202–203.

Литература

- Борисова и др. 1993 – *Борисова И.В., Колеров М.А., Носов А.А.* К истории одной дружбы. В.С. Соловьев и кн. С.Н. Трубецкой // De Visu. 1993. № 8 (9). С. 5–23.
- Евлампиев, Матвеева 2019 – *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.* Религиозные учения Л. Толстого и Вл. Соловьева и проблема единства русской религиозной философии // Ист.-филос. ежегодник. 2019. Т. 34. С. 222–249.
- Котрелев, Рашковский 1989 – *Котрелев Н.В., Рашковский Е.Б.* Примечания // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 664–710.
- Круглов 2021 – *Круглов А.Н.* Полемика об «аморфизме» в этике: поздний В.С. Соловьев против Л.Н. Толстого // Лев Толстой и мировая литература: Материалы XI Междунар. науч. конф. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2021. С. 203–218.

- Межуев 2024 – *Межуев Б.В.* Творческая история «Оправдания добра» Вл. Соловьева. Статья первая // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 29–45.
- Милиц 1966 – *Милиц З.Г.* Из истории полемики вокруг Льва Толстого (Л. Толстой и Вл. Соловьев) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1966. Вып. 184: Тр. по рус. и славян. филологии. Т. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. С. 89–110.
- Ремизов 1999 – *Ремизов В.Б.* «Идти по звезде, по солнцу» (Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев) // Яснополянский сб. 1998. Ст., материалы, публикации / Сост. Л.В. Милякова, А.Н. Полосина. Тула: Издат. дом «Ясная Поляна», 1999. С. 225–236.
- Сидорин 2019 – *Сидорин В.В.* Новейшие исследования по философии Вл. Соловьева в Германии: М. Альтмайер // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (49). С. 99–104.
- Altmaier 2014 – *Altmaier M.B.* Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj. Ein Dialog der nie geführt wurde // Das Östliche Christentum. Neue Folge. Bd. 59. Würzburg: Gesellschaft für Ostkirchenforschung, 2014. 336 p.
- Wembris 1973 – *Wembris B.* Der Russische text der “Rechtfertigung des Guten”. Tübingen [Universitat Tübingen], 1973. 257 p.

References

- Altmaier, M.B. (2014), “Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj. Ein Dialog der nie geführt wurde”. *Das Östliche Christentum*, Neue Folge, Bd. 59, Gesellschaft für Ostkirchenforschung, Würzburg.
- Borisova, I.V., Kolerov, M.A. and Nosov, A.A. (1993), “On the History of a Friendship by V.S. Solovyov and prince S.N. Trubetskoy”, *De Visu*, no. 8 (9), pp. 5–23.
- Evlampiev, I.I. and Matveeva, I.Yu. (2019), “Religious teachings of L. Tolstoy and Vl. Solovyov and the problem of the unity of Russian religious philosophy”, *Historical and Philosophical Yearbook*, vol. 34, pp. 222–249.
- Kotrelev, N.V. and Rashkovsky, E.B. (1989), “Notes”, in Solovyov, V.S. Works in two volumes, vol. 2, Readings on the God-Manhood. Philosophical journalism, Pravda, Moscow, Russia, pp. 664–710.
- Kruglov, A.N. (2021), “The Controversy about ‘Amorphism’ in Ethics. Later V.S. Solovyov v. L.N. Tolstoy”, *Lev Tolstoj i mirovaya literatura: Materialy XI Mezhdunar. nauch. konf.* [Leo Tolstoy and World Literature. Proceedings of the XI International Scientific Conference], Muzei-usad'ba L.N. Tolstogo “Yasnaya Polyana”, Russia, pp. 203–218.
- Mezhuev, B.V. (2024), “The creative history of the ‘The Justification of Good’ by V.S. Solovyov. Article One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 29–45.
- Mints, Z.G. (1966), “From the history of the controversy around Leo Tolstoy (L. Tolstoy and V. Solovyov)”, *Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta, vyp. 184. Trudy po russkoi*

- i slavyanskoi filologii. T. IX. Literaturovedenie. Tartu* [Proceedings of the Tartu State University. Issue 184. Works on Russian and Slavic philology. Vol. IX. Literary studies], Tartu, pp. 89–110.
- Remizov, V.B. (1998), “ ‘Following the star, the sun’ (L.N. Tolstoy and V.S. Solovyov)”, Milyakova, L.V. and. Polosina, A.N. (comp.), *Yasnopolyanskii sbornik. 1998. Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana collection. 1998. Articles, materials, publications], Yasnaya Polyana, Tula, Russia, pp. 225–236.
- Sidorin, V.V. (2019), “The latest research on Vladimir Solovyov's philosophy in Germany: M. Altmaier”, *Humanities Research in the Russian Far East*, no. 3 (49), pp. 99–104.
- Wembris, B. (1973), *Der Russische text der 'Rechtfertigung des Guten'*, Universität Tübingen, Tübingen.

Информация об авторе

Борис В. Межуев, кандидат философских наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; borismezhuev@yandex.ru

Information about the author

Boris V. Mezhujev, Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Moscow, Russia, 119234; borismezhuev@yandex.ru